

Ильяс ПАЩЕНКО

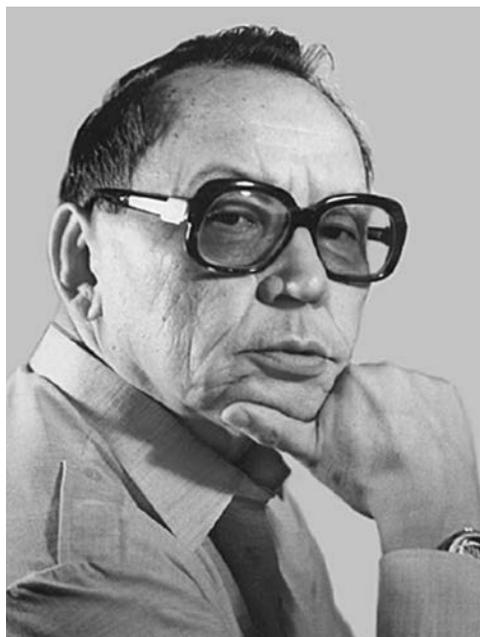
ПОЭЗИЯ БОЛЬШОГО МУЖЕСТВА

*О фронтовых стихах
Жубана Молдагалиева*

Годы Великой Отечественной войны стали для казахской литературы временем сурового возмужания. Новые темы, сюжеты и образы входили в её художественный мир, обогащённый трудным и горестным, вдохновляющим и мобилизующим опытом всенародной борьбы. Никогда прежде не была так велика могучая сила слова, что была захватчиков наравне с винтовками, пушками и танками. Через всю страну из казахской степи достиг блокадного Ленинграда голос Джамбула: «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!» В ряды защитников Родины по праву вступали писатели-классики: с именем Абая шли в бой воины-казахи, на подвиги вдохновлял солдат-украинцев бессмертный образ Шевченко. Хрестоматийным стал рассказ о командире артбатареи, который в дни обороны Ленинграда отдавал своим бойцам такие приказы: «За великую русскую литературу – огонь!», «За “Войну и мир” – огонь!»

В стрекочущем говоре винтовок и орудийном громе звучал налитый сталью голос Родины. Острее многих слышали его призывный клич писатели и поэты, чьи сердца тысячами незримых уз были связаны с тревогами и радостями родного народа. Гневом оскорблённой чести kloкотала живая материя искусства, наполнившая произведения военных лет не умолкающей по сей день строгой мелодией сражающейся Истины. Мужественность и экспрессия чувств, динамика движений человеческой души, эпичность и в то же время подлинный лиризм, патриотическая устремлённость, жгучая страстность и постоянное тяготение к жизненной (а значит, и творческой) правде, а потом и обретенные с годами полифоничность, широта исторического видения и философского осмысления эпохальных событий, – вот качества, обеспечившие советской военной литературе её непреходящее значение и любовь читателей.

Суровую школу художественного мастерства проходили на полях сражений молодые писатели. «Свидетелем Господь меня поставил...» – так говорил о себе пушкинский Пимен, и эти слова мудрого летописца мог с полным на то правом повторить каждый, кто запечатлел в своих произведениях суровые картины всенародного подвига. Для поколения «безусых энтузиастов», открывавших для себя пути в большую литературу, артиллерийские раскаты стали тем камертоном, что определял тональность их писательских голосов. Найти и сказать своё собственное, неповторимое слово о том героическом и трагическом времени, не дрогнуть, не изменить себе ни в большом, ни в малом, выдержать жестокий экзамен войны – задача не из лёгких. И всё-таки, оглядывая славный путь, пройденный военными писателями, можно уверенно сказать, что этот экзамен они выдержали с честью.

Имя выдающегося казахского поэта Жубана Молдагалиева широкий читатель впервые узнал в конце 30-х годов. Это было время, когда, по образному выражению Константина Симонова, «порохом пахнуть стали передовые статьи и стихи». Особое место в культурной жизни страны заняла активно развивающаяся «оборонная литература», чьей основной задачей была художественная интерпретация победы Советского Союза в случае возможной агрессии со стороны капиталистических государств. Сегодня мы знаем, что основным недостатком многих произведений «оборонной литературы» был их примитивно-лубочный, шапкозакидательский пафос, сужающий картину художественного мира, лишаящий её жизненности и достоверности. Грядущая война в книгах подобного рода изображалась как череда лёгких побед, а образ врага зачастую приобретал карикатурные черты, вступая в глубинное противоречие с правдой жизни. Вместе с тем было бы ошибкой считать ура-патриотические агитки единственным или наиболее значительным наследием «оборонной литературы». Обращаясь к её истории непредвзято, можно убедиться, что опыт писателей-оборонников, верных принципам реалистического искусства, стал одной из основ становления и развития военной литературы.

«Нам... нужно глубоко вскопать историю наших советских народов, извлечь из неё и показать миру наиболее героические страницы народных войн», – указывал в одной из своих статей писатель Пётр Павленко. Чувством сопричастности к героическому наследию прошлого проникнуто стихотворение «Клятва» – одно из первых произведений Жубана Молдагалиева на военную тематику. В нём уже отчётливо проступает характерная для всего последующего творчества Молдагалиева мысль о тесной взаимосвязи общенародных патриотических чувств с чувствами глубоко личными, интимными. Священная обязанность защищать Родину осознаётся лирическим героем как сыновняя благодарность вскормившей его матери, о чём поэт пишет:

*Простор страны для удали не тесен!   Меня Отчизна гордости и песен
Я жизнью рассеку дорогу зла: К высотам человека подняла.*

В стихотворении национальный колорит переплетён с традиционными образами советской героики: юноша-красноармеец называет себя «чапаевским батыром», в руки которого как символ побед великих предков Родина вложила «меч нержавеющей Амангельды». Эта цельность исторического времени и живая связь эпох, продолжающихся друг в друге, находят своё воплощение как важнейшие категории поэтического мировоззрения Жубана Молдагалиева. А готовность «жизнью рассесть дорогу зла» отличает не только творческую манеру поэта, но и чуткое, возвышенно-одухотворённое отношение лирического героя к миру, чей покой он свято хранит, «в суровый час нахлынувшей беды» сверяя свои дела и помыслы со священным образом Родины.

Своеобразным продолжением «Клятвы», развивающим её пространственное движение, является стихотворение «Вперёд!». Само название произведения как нельзя лучше подчёркивает его динамичность. От имени всего народа обращается лирический герой стихотворения, а вместе с ним и сам поэт, к своим сверстникам:

*Любой джигит, как честь свою,   И ты достоин будь бойца!
Честь своего народа   Пускай тебе в итоге
Хранит бестрепетно в бою   Ни шквал огня, ни град свинца
И в тяготах похода.   Не преградят дороги.*

Общая линия готовности к подвигу объединяет стихотворение «Вперёд!» с «Клятвой». Настало время доказать верность своей клятве – и, читая литые

строки молдагалиевского произведения, мы явственно видим, как тысячи, сотни тысяч молодых людей встают в ряды защитников Родины, чтобы в бою с врагом отстаивать своё право на свободу и счастье. Бесстрашные джигиты рвутся в бой и внемлют словам поэта:

<i>Приблизь святое торжество!</i>	<i>Не промахнись, чтобы палач</i>
<i>И мсти, как мстят за друга:</i>	<i>Упал в свою же яму!</i>
<i>Ведь гнев народа твоего –</i>	<i>Пусть пятится жестокий враг.</i>
<i>Надёжная кольчуга.</i>	<i>В лишениях и тревогах</i>
<i>Стреляй, то сдержан, то горяч,</i>	<i>Вперёд, хотя б на малый шаг,</i>
<i>И вновь шагай прямо.</i>	<i>Вперёд – за счастье многих!</i>

Призыв, завершающий стихотворение, не случаен. В нём выразилась жестокая сущность законов военного времени, когда каждый метр освобождённой земли оплачивался сотнями жизней. И всё-таки момент атаки – это в конечном счёте акт утверждения жизни. Бросаясь за бруствер окопа, укрывавший его от вражеских пуль, боец бесстрашно кидается в бой, ведь за спиной у него незримо встаёт образ родного дома. Об этом – стихотворение «Атака». Обращаясь к командиру, Молдагалиев пишет:

*Веди – он встанет за тобой
Навстречу
Пулям, вспышкам, мраку:
Лежит ваш общий путь домой
И через эту вот атаку!*

Говоря о своём боевом пути, поэт, как и многие фронтовики, был предельно сдержан. В его автобиографических заметках не найти и намёка на припасённый специально для читателя пространный рассказ о собственных подвигах. Читая эти заметки, мы как бы заново открываем для себя творческий характер Молдагалиева, центральным качеством которого было, вне всякого сомнения, служение художественному слову. Вот как рассказывает поэт о фронтовых буднях: «За время Великой Отечественной войны многое довелось испытать. Служил артиллеристом-наводчиком, комиссаром батареи. Четвёртый час утра 22 июня 1941 года я встретил на нашей Западной границе в должности политрука батареи 28-го гаубичного артполка 28-й танковой дивизии, которой командовал полковник И. Д. Черняховский, впоследствии прославленный военачальник, генерал армии, командующий фронтом... В середине июня 1942 года меня вызвали в политуправление Северо-Западного фронта, сообщили, что я направлен в редакцию фронтовой газеты «За Родину», при которой организовывается и казахская газета «Отан үшін». Где-то осенью через казахских артистов разыскали известного сейчас алма-атинского поэта Сагингали Сеитова. В газету пришло ещё несколько казахских журналистов, и мы горячо взялись за дело. Нужно только представить: мы впервые в истории нашей печати готовили выход казахской военной газеты, вводили в родной язык новые слова и понятия, новые армейские термины или их эквиваленты. И в результате газета обрела широкую известность среди солдат-казахов. Работа в газете повлияла в дальнейшем на мою личную судьбу и на судьбу всего моего творчества...»

Органично дополняет эти воспоминания рассказ крупнейшего башкирско-го поэта Мустая Карима, которого с Жубаном Молдагалиевым связывала самая искренняя и высокая дружба: «За год до того первого кровавого утра на западной границе страны надел двадцатилетний Жубан солдатскую шинель, а снял её, будучи уже офицером, когда ему минуло двадцать семь. Возмужание характера, укрепление воли, проверка поэтического голоса на слышимость –

всё это состоялось именно в те суровые годы. Война не только смертное поле, где похоронены наши сверстники и наша юность, она – высота, где бралась на пробу человеческая совесть и верность Родине. Жубан Молдагалиев, узнав то поле и ту высоту, обрёл зрелость гражданина и поэта. Война для него на долгие годы, а быть может, и навсегда останется мерилom достоверности и истинности явлений, людей, поступков».

Действительно, война стала важнейшим компонентом поэтического мировосприятия Жубана Молдагалиева, своеобразной призмой, через которую во всех своих проявлениях преломлялась окружающая действительность. Опыт военных лет вышел за собственно тематические рамки, сделавшись смысловым слоем всего творчества поэта в целом. Поэтому, о чём бы ни писал Молдагалиев, он словно проверяет себя и своих героев критериями нравственных уроков военного лихолетья, верность которым яснее всего очерчивает характер каждого человека.

Заметным явлением казахской военной поэзии стали три стихотворения, составившие цикл «Из фронтовых писем». Эпистолярная форма выбрана Молдагалиевым не случайно, она придаёт написанному исповедальный характер. Тем самым искренние и не стеснённые условностями чувства лирического героя, молодого фронтовика, в передышках между боями пишущего письма матери и возлюбленной, становятся духовно близки читателю. В психологическом портрете героя рельефно выступают черты военной закалки. Обращаясь к любимой девушке, образ которой красноармеец хранит «как память дней, что возвратятся снова», он собран и предельно точен в словах, ведь реальность такова, что «может это откровенье здесь стать последним в каждое мгновенье»:

*Пишу, храним пока судьбой счастливой,
Хоть здесь не целы даже те, кто живы...
Пишу тебе почти что на ходу:
Вокруг меня, как гром, гремят разрывы.
Пишу, хоть может это откровенье
Здесь стать последним в каждое мгновенье.
Но ты надейся, как надеюсь я:
Надежда – это сразу полсвершенья!
Писать ещё? Но здесь мы ценим слово.
Не забывай. До встречи. Будь здорова.
Ты в сердце, черноглазая, моём,
Как память дней, что возвратятся снова.*

Отправляемые в тыл письма становятся символом надежды, неразрывной связи любящих сердец, которая хранит воина в боях, отводя от него вражеские пули. Классический сюжет о любви, побеждающей смерть, в стихах Молдагалиева приобретает не только философскую глубину, но и фактическую конкретность, что роднит его цикл по духу и тональности с такими шедеврами военной лирики, как «Жди меня» Константина Симонова и «В землянке» Алексея Суркова. Сила художественного слова придаёт неказистым, пожелтевшим листкам бумаги высокое, подлинно поэтическое значение:

<i>Письмо! Его в кругу подруг</i>	<i>Вернись – припомним этот час</i>
<i>Читать ты можешь честь по чести.</i>	<i>В час ликования без меры.</i>
<i>Вернись домой – его мы вслух</i>	<i>Пусть говорят тогда про нас:</i>
<i>С тобой перечитаем вместе.</i>	<i>– Их вновь свела любовь и вера!</i>

Третье стихотворение цикла, обращённое к матери фронтовика, согревает читателя теплом неподкупных сыновних чувств. Красной нитью проходит через него мысль о взаимответственности людей за судьбы друг друга. Лири-

ческий герой переживает боль матери, теряющей силы от тоски, как свою, и отправляет ей краткую весточку, надеясь, что известие о победах над врагом вдохнёт в её сердце былую радость жизни. Молдагалиев вновь подчёркивает сакральное значение солдатских писем, предвестников счастливого часа долгожданной встречи, и словно закликает их словами своего героя:

*И не сгинь за дальней далью
Ты, пожалуйста, в пути,*

*А маршрут нам к Приуралью
В синем небе прочерти.*

Могучей обличительной силой обладает гневное стихотворение «Правосудие» – художественный документ, обвиняющий фашистских захватчиков в тяжчайшем преступлении – детоубийстве. Трагедия ребёнка, беззащитного перед грубой силой сеющих смерть гитлеровцев, отразилась в творчестве многих советских писателей. Ей посвящены пронзительный рассказ Александра Серафимовича «Душегубка», стихотворения «Девочка играла возле дома» и «Родина смотрела на меня» Джека Алтаузена, «Десятилетний человек» и «Запомни!» Сергея Михалкова, «Мальчик из села Поповки» Самуила Маршака, стихи из Маобитской тетради Мусы Джалиля. Своей сюжетной канвой «Правосудие» схоже со стихотворением Дмитрия Кедрин «Убитый мальчик» – в обоих произведениях рассказывается о налёте фашистской авиации, единственными жертвами которого становятся маленькие дети. Однако, если Кедрин стремится создать аллегорический образ неотвратимого возмездия, который преследует вражеского лётчика до конца его дней, то Молдагалиев более описателен, он воздействует на сознание читателя напрямую, детально воссоздавая произошедшее. Гибель ребёнка поэт переживает как вопиющее несовершенство человеческого бытия, и кипящая в нём ненависть к захватчикам и убийцам выплёскивается в картину поразительной эмоциональной силы:

*На бреющем – из пулемёта
Плеснул стервятник по селу.
И снова взмыл, ревущий тяжело,
Ушёл в густую синеву,
Окрасив в алое рубашку
Ребёнка, павшего в траву.*

*Он ввысь смотрел открыто, прямо,
Ответа требуя сполна
На свой вопрос безмолвный:
– Мама!
Скажи мне, в чём моя вина?*

Очень скоро возмездие настигает палача. Советский лётчик вступает с ним в воздушный бой, описание которого у Молдагалиева отличается внутренней динамикой и метафоричностью:

*Снижались крылья, нарастали
И над селом и над жнивьём.
Кружили звёзды над крестами,
Что соколы над вороньём.
Кружили – за страну в ответе...
Им, багровевшим горячо,*

*Всерьёз приказывали дети:
– А ну, ещё! Ещё! Ещё!
Отвтом на вопрос ребёнка,
Что стыл у века на пути,
Пилот наш выстрелил вдогонку
Врагу, решившему уйти.*

Так поэт, поверенный человечества, выносит свой приговор детоубийцам. Но даже смерть не может в полной мере искупить их злодеяний. Недаром своё стихотворение Молдагалиев заканчивает на минорной, скорбной ноте:

*Смотрите, люди! Здесь не слава –
Здесь правосудья торжество.*

*А тот мальчишка в тихих травах
Уже не видел ничего...*

В основу стихотворения «Благословение матери» положено реальное событие, о котором Жубан Молдагалиев однажды рассказал известному бело-

русскому литературоведу Вячеславу Рагойше: «Мы вступили в одну из белорусских деревень. Ко мне бросилась пожилая женщина, стала целовать, приговаривать: “Сынок, родненький мой сынок! Наконец я дождалась тебя...” Я растерялся: на белоруса, кажется, не похож, и в то же время неловко было перечить женщине. Когда немного опомнился, осторожно сказал, что я из Казахстана. Она ответила: “Какая разница, где ты родился? Ты мой сынок!...”»

Поэту удалось создать выразительный портрет молодого воина-казаха, освободителя Советской Белоруссии, на долю которого выпали «нагрузки и перенагрузки, лишения, походы, бои». Вместе с товарищами выбив фашистов из небольшого городка, он, «крещённый огнём и водой», встречается со старой женщиной, в образе которой Молдагалиев выразил силу трепетной материнской любви. Поэт преклоняется перед большим и открытым сердцем этой печальной женщины, чьей болью и тревогой рождены волнующие душу слова:

*– Сынок, подойди-ка поближе,
Хочу тебя расцеловать!
Ждала я тебя у порога,
Ночами вздыхала, поверь,
Мне жить-то осталось немного –
Да это не важно теперь...
Мне выздоровленье пророчит*

*Победная эта пора.
Тебе я желаю, сыночек,
Здоровья, удачи, добра.
Прими моё благословенье
И в путь поспеши поскорей:
Грустят без тебя в отдаленье
Немало других матерей!*

Эти строки – яркое проявление интернационалистского, гуманистического характера поэзии Жубана Молдагалиева. Общими чувствами связан его лирический герой с миллионами советских солдат, сражающихся за свободу своей Родины. Воин-казах идёт на смерть, чтобы отбить у врага белорусский город, как и солдат-белорус готов отдать жизнь за то, чтобы цвели в мире и покое города Казахстана. Эта общность чувств и устремлений, ставшая реальностью жизни, нашла своё отражение во многих произведениях военной литературы. Тему дружбы народов Жубан Молдагалиев развил в лирическом стихотворении «Латышка», которое заканчивается неожиданным – и в то же время таким естественным для поэта – предположением:

*Глядишь, приедет свататься однажды
Простой казах к простому латышу.*

А ведь не так уж и прост простой человек... Именно его бесстрашие и выдержке обязаны мы Великой Победой. Воспитанный в традициях любви к Родине и дружбы народов, творческого отношения к жизни и личной ответственности за судьбу страны, он, бесчисленное количество раз поднимаясь в атаку, избавил мир от смертельной угрозы фашизма. Об одном из таких простых людей – своём товарище Темире Мусине – Жубан Молдагалиев вспоминал: «Самое начало операции «Багратион». Известно, что от успешного начала наступления во многом зависит его продолжение и даже завершение. Крайний восток Беларуси, Гомельщина. Немецкий оборонительный вал кажется совершенно неприступным. Да вот в атаку ринулись наши войска. Рота под командованием казаха Темира Мусина в жестокой стычке уничтожила свыше батальона фашистов, взяла много пленных, захватила важный плацдарм, открыла путь полку для дальнейшего наступления. Все, повторяю, все бойцы роты, включая поваров, за тот бой были награждены орденами Славы разных степеней, а её командиру было присвоено звание Героя Советского Союза. Кстати, Темир Мусин дошёл до Берлина. В 1946–1947 годах работал в моём Тайпакском районе вторым секретарём райкома партии. Летом 1947 года на-

ступила страшная засуха, во многих местах в степи полыхнули пожары. Бывший командир остался на боевом посту до конца своих дней: он погиб в битве с огнём, спасая людей и колхозное сено».

Радость победы – грозная, суровая радость. Добытая потом и кровью, страданиями и лишениями, вырванная из лап врага, быть другой она просто не может. Об этом поэт пишет в своём стихотворении «Победители», наполненном внутренней энергией зрелого, закалённого мужества. Молдагалиев восхищается славными подвигами бойцов и командиров Красной Армии, самоотверженностью тружеников тыла и уподобляет их легендарным батырам прошлого:

*Народ наш многомиллионный
Теснит весельем берега:
В пыли валяются знамёна
Когда-то грозного врага.*

*Народ наш!
Перед целым миром –
Весь на свету, а не во мгле –
Былинной смелости батыром
Стоишь ты твёрдо на земле.*

*И новой требуют работы
Твои победные права:
Ты светлым именем работы
Засучиваешь рукава.*

Так поэт предвосхищает ставшую одной из центральных в послевоенной советской литературе тему возвращения фронтовиков к мирному труду и их участия в восстановлении страны. От лица своих однополчан, готовых взяться за работу с той же решимостью, с тем же патриотическим порывом, с какими они отстаивали свободу и независимость своей Родины, Молдагалиев обращается к соотечественникам:

*Народ большой и величавый,
Надейся искренне на нас.
Верь, наша воинская слава
С годами не уйдёт в запас!*

Поэзия Жубана Молдагалиева – это поэзия большого мужества, отваги и ясности помыслов. Война отточила лирико-публицистический талант поэта, ярче всего проявившийся в его монументальных произведениях «Я – казах!», «Разбивший оковы», «Мой тебе поклон» и «Орлиная степь». Художественное слово Молдагалиева – подвижное, напряжённое, многозначное – по сей день привлекает к себе многочисленных ценителей поэзии, которые вновь и вновь переживают радостную, незабываемую встречу с тонким лириком и яростным публицистом, мечтателем и воином, наконец, человеком большой души, чьё имя стало одним из символов расцвета казахской литературы XX века.